

ТЕАТР

МАРДЖАНОВСКИЕ ВЕЧЕРА

Отшумели марджановские вечера в Ереване. Четыре праздничных вечера, когда у входа в театр имени Г. Сундукяна в надежде на лишний билет толпились люди, в зале царило приподнятое настроение, и после спектаклей зрители долго аплодировали актерам. На заключительном спектакле собравшиеся приветствовали награжден театром Почетной грамотой Верховного Совета Армянской ССР и присвоение звания народной артистки Армянской ССР Софики Чинаурели — народной артистке Грузии, давно любимой всеми и ставшей особенно популярной у нас после фильма «Аревин».

Так, с большим успехом, завершились малые гастроли академического театра имени Котэ Марджанишвили. В Ереване он оставил множество поклонников, натолкнул на размышления, вызвал споры.

Четыре спектакля, показанные марджановцами в Ереване, по-настоящему программны и заслуживают самого пристального внимания. Античная трагедия, героико-философская немецкая драма, советская пьеса и подкупающие своей лукавой наивностью старые грузинские водевили как бы раскрыли нам душу театра и его характер, его облик и его привычки.

Герой марджановских спектаклей, увиденных нами, — человек-борец. Царь Эдип, Уриэль Акоста и Пиросмани — при всем кажущемся несхождении судеб каждый из них вступает в неравную борьбу: с роком, с воинствующей жесткостью, с непониманием. И хотя, казалось бы, исход предрешен и конфликт трагичен, в конечном, высшем итоге, побеждает Человек, черпающий силы в бескомпромиссном служении Истине — правде жизни, правде познания и правде искусства.

Жизнь человеческого духа не просто прослеживается, но и воспевается, героизируется в спектаклях марджановцев. Это не только трагедии в их каноническом значении, это подлинные страсти в том трепетном смысле, как это слово понималось когда-то, как они прорывались в вулканических ораториях великих музыкантов восемнадцатого века. Страсти по Эдипу, страсти

по Акосте, страсти по Пиросмани. И каждый раз в раскрытии основной темы — темы человека и непреодолимой силы, с которой ему суждено вступить в бой, — заметна жесткость, исключая всякую сентиментальность. Никаких отступлений в жалость, в любованье страданием нельзя увидеть в наиболее адекватно реализованных сценах этих спектаклей, утверждающих человеческое величие, неиссякаемость душевных сил человека.

Мужественность, стойкость грузинского характера, горделивость, запечатленная уже в пластике национальных танцев, вдохновили в свое время замечательного режиссера Котэ Марджанишвили обратиться к постановке драмы Карла Гуцкова «Уриэль Акоста», которая около ста лет не сходила со сцен европейских театров, вызвав своего рода соревнование актерских талантов, явившихся в образах Уриэля Акосты и Юдифи. В молодой марджановской труппе для воплощения этих образов нашлись таланты исключительной силы. И спектакль, показанный в первый театральный сезон, в 1928 году, поражал современными дыханием, отличался высоким чувством стиля, неповторимостью формы.

То, что сегодня мы видим этот спектакль, ставший грузинской театральной классикой, восстановленным его первой Юдифью — одной из крупнейших советских актрис Верико Анджапаридзе, — и то, что в роли Юдифи ныне выступает дочь Верико — Софики Чинаурели, безусловно, говорит об уважении к традициям театра, о стремлении сохранить его ценности для новых поколений. Но не менее проникнуты верностью творческому кредо Котэ Марджанишвили спектакли, созданные в наши дни нынешним художественным руководителем театра — народным артистом СССР Гигой Лордкипанидзе, который — и это глубоко символично — является лауреатом премии имени К. Марджанишвили.

Следуя заветам Котэ Марджанишвили, Гига Лордкипанидзе бесконечно доверяет выразительным возможностям актера, он стремится помочь актеру предельно раскрыть

в спектакле свое дарование. Продолжая героическую тему, звучавшую в театре с момента его основания, Г. Лордкипанидзе обращается к античной трагедии. Его «Царь Эдип» органично вписывается в общий контекст не только театра имени К. Марджанишвили, но и грузинского театра вообще. Предпосылкой тому явились эпичность звучания, духовная масштабность, прекрасное чувство слова, стилистическая слаженность ансамбля, которые позволили создать спектакль, отмеченный высокой постановочной и актерской культурой.

Но особое место в репертуаре театра занимает «Праздник одиночества». Этот спектакль, поставленный Г. Лордкипанидзе по пьесе В. Коростылева, посвящен великому и самобытному художнику Грузии Нико Пиросмани.

В этом спектакле надо отдать должное благородному самоограничению режиссера. Не изощренностью приема, который, на первый взгляд, был продиктован уже пьесой В. Коростылева, а почти аскетической простотой привлекает «Праздник одиночества», где все внимание фокусируется на образе главного единственного героя. И только полотна Пиросмани, висящие над тесным кольцом его антагонистов, озаряют нас своим светом, служат одновременно аргументом в споре и эстетическим началом, вновь волнуя загадкой своей беззащитной неуязвимости.

Коростылев определил жанр своей пьесы словом **монологи**. С полным доверием к этому определению Лордкипанидзе интерпретирует монологи как **откровения**. Потрясение, которое вызывает этот спектакль, предопределено его Пиросмани — народным артистом СССР Отаром Мегвинетухуцеси. Каждое мгновение сценической жизни этого удивительного актера исполнено особой правдой, волнующей своей напряженностью. Самые противоречивые душевные побуждения, тончайшие оттенки мысли Мегвинетухуцеси передает с ослепительной точностью, а самые резкие переходы в его передаче виртуозно неуловимы.

Бытует мнение, что талантливого человека может сыграть только талантливый человек. Эти слова вспоминаются, когда думаешь снова и снова о Пиросмани, воплощенном Отаром Мегвинетухуцеси. Характеризуя этот образ, как-то не хочется топиться с несколькими стержнями в нашем обиходе словом оптимизм. Человек, представший перед нами в спектакле театра им. К. Марджанишвили, гармоничен во всей своей сложности и силе его — в накале мыслей, в горячем вине эмоций, вмечающих горечь, боль и высшее упоение, в бескомпромиссной открытости жизни, страданию и самой смерти, что делает его таким же незащищенным и сильным, как творения бессмертного Пиросмани.

И любовь в этом спектакле — натянность струны, наваждение, хрупкая ласка искренности и мечта о прикосновении.

Существует много благополучных театров, не оставляющих о себе памяти и впечатлений. Театр имени Котэ Марджанишвили творчеством своим вызывает ответный поток мыслей — даже когда с ним не соглашаешься. Это говорит об особом характере, о необщем выражении его лица. К сожалению, мы не увидели спектакля, который рассказывал бы нам о сегодняшней Грузии. Но зато остаются желание и надежда, что мы такой спектакль непременно увидим, что нам предстоит еще не одна радостная встреча с этим интересным театром, который за четыре вечера позволил нам увидеть таких замечательных мастеров, как С. Чинаурели, К. Махарадзе, Е. Кипшидзе, Г. Габуниа, Н. Мухулишвили и многих других товарищей их по сцене.

И, конечно, хочется пожелать больших удач и творческих озарений театру, у которого такая богатая история и такое ответственное сегодня. Ведь основной пафос творчества основателя театра Котэ Марджанишвили в его острой современности. И в этом, думается, самая заветная традиция, которой должен быть верен театр.

М. ЯХОНТОВА